Р.Ю. АТОРИН

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ СВМЧ. ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Очень глубокими по своему существу являются взгляды и полемика протопопа Аввакума на тему принципов и методов познания бытия, изложенные у него в письмах и посланиях «К боярину Андрею Плещееву» «Писанийце» к Ф.М. Ртищеву, «Двум девам», «Пятой беседе о внешней мудрости» и «О последних увещаниях Аввакума». Протопоп считал, что истинное познание осуществляется только в Боге, а знание – о Боге, а интеллект же и эрудиция, то, что Аввакум называет «внешней мудростью», сравниваемой писателем с бесчестной рабыней, которая «не оставлена бысть внити внутрь Церкве, ниже вникнути в Христовы Тайны» (1), не являются залогом спасения. Внешняя мудрость, по мнению Аввакума, если она не направлена в нужное русло, является продуктом гордыни и бездуховности. Знание начинается в «смирении и кротости и любви нелицемерной», в противовес «богопротивной гордости» (2), которой руководствовались «вси злодейники» (3), живущие «внешнею хитростию и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьими» (4).

«Не ищите риторики и философии, ни красноречия, но здравым истинным глаголом последующее поживите. Понеже ритор и философ не может быти христианин. Аз есьмь ни ритор, ни философ, дидаскальства и логофетства неискусен, простец человек и исполнен неведения» (5). Подобного рода высказывания характеризовали «отнюдь не самоуничижение, а напротив, принципиальное самоутверждение Аввакума» (6), его «высокое религиозное самосознание» (7). Руководство в духовной

Аторин Роман Юрьевич – Белгородский государственный университет, г. Белгород

жизни внешней мудростью, по убеждению протопопа Аввакума, несовместимо с правильным усвоением христианской истины. Человек, стоящий на христианском пути, должен воспитывать в себе то, что Аввакум называет «чистая вера и простота рыбарская» (8).

Совершенное знание, по Аввакуму, есть Христово Откровение человеку посредством искренней младенческой веры, в противоположность «мудрейшим, от них же бо утаил есть Господь тайны благодати своея, а открыл есть та младенцем, да буйством проповеди спасет верующих» (9).

Основное противоречие между ревнителями древлего благочестия и сторонниками никоновых преобразований начинается с принципиально разных гносеологических позиций. Главные реформаторы, такие как Симеон Полоцкий, Арсений Грек и Паисий Лигарид прошли западную выучку, стояли на позициях схоластики – сухой систематизации накопленного материала – и делали ставку на внешнюю мудрость, академическую образованность. «Дело в том, что столкнулись разные идеи, что средневековой аксиоматике противостояла аксиоматика нового времени. Ошибается тот, кто увидит в этой конфронтации коллизию невежества и интеллекта. Это коллизия интеллекта и духа: для Симеона Полоцкого главное – просветительство, ,,внешняя мудрость“, а для Аввакума – нравственное совершенство» (10). Из истории церковного раскола известен случай проведения ожесточённых споров между протопопом Аввакумом и монахом Симеоном Полоцким. Напряжённость и эмоциональность полемики доходила до того, что в конце бесед строгий аскетичный протопоп и киевский учёный расходились в полном изнеможении физических сил (11): «и зело было истязание много – пишет Аввакум, – разошлися яко пьяни, не могли и поесть после крику» (12).

Вся драма раскола заключалась в том, что в обществе представителей киевской учёности в лице Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и их сторонников и последователей царило убеждение в богопознании путём образования и усвоения комплекса наук. Консервативным ортодоксам-традиционалистам, к числу которых принадлежал протопоп Аввакум, подобные утверждения казались чуждыми, противными христианско-

му духу. В схоластическом просвещении они видели препятствие к духовному совершенству, противопоставляя ему природную христианскую простоту, заложенную в душе каждого человека: «Ты ищешь в словопрении высокие науки – рассуждал протопоп Аввакум в адрес монаха Симеона, – а я прошу у Христа моего поклонами и слезами» (13).

Изучение религиозной гносеологии протопопа Аввакума обнаруживает идейную схожесть его взглядов с известным византийским мистиком архиепископом Фессалоникийским Григорием Паламой, – прославленным Церковью в лике святых, убеждённым сторонником неприемлемости синтеза философии и богословия в процессе духовного возрастания. Богословие и Знание (gnosis) для Паламы есть созерцание Божественных Энергий, а философия относится к разряду явлений человеческой умственной деятельности, отводящей, по мнению Паламы, человека от правильного пути Богопознания, в связи с чем он писал: «если кто снова обратится к отвергнутой философии внешних мудрецов, надеясь через нее очистить душу, Христос ему никак не поможет» (14). Одним из самых опасных заблуждений архиепископ Григорий Палама считал уверенность в том, что «святое учение веры и эллинские науки вселяют в нас мудрость одинакового вида, да еще совпадающую с апостольскою мудростью» (15). По практически одинаковой богословской мысли к афонскому мистику XV в. через два столетия как бы примыкает русский проповедник протопоп Аввакум, который увещевал боярина Фёдора Ртищева: «Простота, государь, о Христе с любовью созидает, а разум от риторства кричит. Просим мы с тобою от Христа Бога нашего, истиннаго разума, како бы спастися, да наставит нас Дух Святый на всяку истину, а не риторика с диалектикой» (16).

Собор 1666 г., сделавший вывод о правильности проведения реформы, увидел главный «недостаток» древнерусского духовного наследия в отсутствии грамотности, что казалось диким для вероопредставлений старообрядцев, ввиду убеждённости последних в отсутствии какого бы то ни было влияния образованности на становление и регуляцию процессов богопознания. Аввакум же и его сторонники считали, что смысл борьбы вокруг церковной реформы заключается *в противостоянии духа и*

интеллекта. В связи с этим Аввакум писал: «Яко не внешняя мудрость пользует Церковь, но чистая вера и простота рыбарская. Християном бо Бог открывает тайны Духом Святым, а не внешнею мудростию» (17).

Увлечение борьбой против подмены религиозного чувства учёностью привело Аввакума к почти полному отрицанию философии. Идеолог староверия в посланиях «К боярину Фёдору Ртищеву» и «Двум девам» перечисляя всех известных ему античных философов: Сократа, Платона, Пифагора, Аристотеля, Диогена, – негативно высказывался о смысле их философской деятельности, направленной, как полагал Аввакум, на достижение сухого рационального рассуждения, убивающего «дух закона», и создание временной земной славы философа. Он выдвигал при этом в качестве альтернативы духовный путь, указанный христианством: «Внимати подобает гонящим философию, диалектику и риторику, каков конец ваши учителя прияша: и в веце сем славу приобретоша, и память их оскверняет воздух. Рыбари же к Богоразумию вселенную уловльше, по Бозе быша бози и по Господе господския, и свет миру всему показашася, и память их во веки пребывает» (18). «Ибо вси мудри быша – пишет Аввакум о философах, – и во ад угодиша» (19). В подкрепление своего убеждения протопоп Аввакум находит святоотеческие высказывания и исторические примеры отвержения философской мудрости в христианской истории. По неизвестному источнику Аввакум цитирует слова послания Григория Богослова к Григорию Нисскому, где упрекает его в излишней увлечённости занятием философией. Аввакум это пишет так: «Почто возлюбил еси лучше называти себе ритором неже християнином? Воспомяни, откуду ниспал еси» (20). Известно, что Григорий Нисский являлся большим знатоком античной мудрости и стремился использовать античное философское наследие в интересах христианского богословия. Кроме того, Аввакум приводит соответствующие рассуждения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и Феодора Тримфиутского относительно «внешней премудрости и всякой памяти еллинских философов» (21). Кроме того, Аввакуму было известно предание, восходящее ко времени I Вселенского Собора, смысл которого был в событии, когда «некоему философу диякон велел

умолкнути, и философ онемел, и ничто же когда мог глаголати» (22).

Однако несмотря на презрение к философии и «внешним наукам», протопоп Аввакум не дошёл до полнейшего их отвержения: «К тому же и диалектику и философию, и что потребно, – то в Церковь взяли, а что непотребно, то под гору лопатою бросили» (23).

Отвержение философии не является самобытной чертою собственно старообрядческого мировоззрения. Подобная концепция являлась одной из отличительных особенностей всей религиозной мысли древнерусской эпохи. Апостол Павел в послании к коллосянам говорит об опасности занятия христианину философией: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2:8). Очевидно, что первых христиан апостол предостерегает от увлечения софистикой. Для представителей данной философской школы единственной целью любомудрия являлось не отыскание объективной истины, а стремление переспорить, переубедить своего противника, любыми средствами и методами доказать его неправоту. (Всю свою жизнь борьбе с софизмом посвятил Сократ.) Тем не менее, по словам А. Замалеева, «На Руси даже выработался определённый стереотип покаянного отречения от философии, отобразившийся на многих произведениях древнерусской религиозной литературы» (24). Далее автор приводит относящиеся к данной проблематике высказывания Епифания Премудрого, старца Филофея, Спиридона Потёмкина. Многие видные представители древнерусской религиозной мысли негативно относились к изучению философии, считая, что это наносит ущерб вере, истинному богопознанию (25). С нашей точки зрения, более правильным будет утверждать двойственное отношение к философии на Руси. М.Н. Громов, изучая древнерусскую философскую мысль, отмечает положительное отношение, прослеживающееся в духовной литературе, к Платону, Аристотелю, античным философам-материалистам Демокриту и Эпикуру, в то же время, в адрес вышеназванных античных мыслителей высказывались резкие порицания. «В целом отношение к античным мыслителям было как к ,,первым фило-

софам“, предшественникам христианской мудрости; они могли то сближаться с нею, то противопоставляться ей» (26).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Житие Аввакума и другие его сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Робинсона. М., 1991. С.126. (Далее – Житие Аввакума).
2. Там же. С.256.
3. Там же.
4. Там же. С.255.
5. Там же. С.284–285.
6. Робинсон А.Н. Протопоп Аввакум. Личность и творчество // Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С.15.
7. Там же.
8. Житие Аввакума. С.126.
9. Там же. С.122.
10. Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С.40–41.
11. Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. М., 1870. С.314.
12. Житие Аввакума. С.234.
13. Там же.
14. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М., 1995. С.35.
15. Там же. С.120–121.
16. Житие Аввакума. С.129.
17. Там же. С.126–127
18. Там же. С.128.
19. Памятники истории старообрядчества XVII в. // Русская историческая библиотека. Т.39. Кн.1. Вып.1. Л., 1927. С.618.
20. Житие Аввакума. С.127.
21. Там же. С.127–128.
22. Там же. С.128.
23. Там же. С.198.
24. Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии (XI–XX вв.). Изд. 3-е, доп. и перераб. СПб., 2001. С.85.
25. Там же.
26. Громов М.Н., Мильков В.В. Идейные течения древнерусской мысли. СПб., 2001. С.14